

Е.А. Прудникова

ВЗЛЕТ и ПАДЕНИЕ «КРАСНОГО БОНАПАРТА»

**Трагическая судьба
маршала Тухачевского**

Мифы и правда истории

Мифы и правда истории

Елена Прудникова

**Взлет и падение «красного
Бонапарта». Трагическая
судьба маршала Тухачевского**

«ВЕЧЕ»

2016

Прудникова Е. А.

Взлет и падение «красного Бонапарта». Трагическая судьба
маршала Тухачевского / Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Мифы и правда истории)

ISBN 978-5-4444-8578-1

Знак информационной продукции 16+Еще со времен XX съезда началась, а в 90-е годы окончательно закрепились в подходе к советской истории логика бразильского сериала. По этим нехитрым координатам раскладывается все. Социальные программы государства сводятся к экономике, экономика к политике, а политика к взаимоотношениям стандартных персонажей: деспотичный отец, верные слуги, покорные и непокорные сыновья и дочери, воинствующий дядюшка, погибший в противостоянии тирану, и непременный невинный страдалец. И вот тогда на авансцену вышли и закрепились в качестве главных страдальцев эпохи расстрелянный в 1937 году маршал Тухачевский со своими товарищами. Компромата на них нашлось немного, военная форма мужчинам идет, смотрится хорошо и женщинам нравится. Томный красавец, прекрасный принц из грез дамы бальзаковского возраста, да притом невинно умученный – что еще нужно для успешной пиар-кампании? Так кем же был «красный Бонапарт»? Невинный мученик или злодей-шпион и заговорщик? В новой книге автор и известный историк Елена Прудникова раскрывает тайны маршала Тухачевского.

ISBN 978-5-4444-8578-1

© Прудникова Е. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Введение	6
Часть 1. Непарламентская оппозиция	9
Глава 1. «Наследники Ильича»	10
«Революционеры» и «государственники»	11
Левая, правая где сторона?	17
Глава 2. Оппозиция уходит под землю	23
«Народ здесь все больше душевный...»	23
Партскандалисты уходят в подполье	25
Подполье	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Прудникова
Взлет и падение «красного Бонапарта».
Трагическая судьба маршала Тухачевского

© Прудникова Е. А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Введение

«...Ставится вопрос об отмене приговора и прекращении дела за отсутствием состава преступления, так как дополнительным расследованием, произведенным в 1957 году, установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о невинности... и необоснованности его осуждения.

Установлено, что военно-фашистского заговора в РККА в действительности не существовало...»

Из реабилитационной справки

Еще со времен XX съезда началась, а в 90-е годы окончательно закрепились в подходе к советской истории логика бразильского сериала. По этим нехитрым координатам раскладывается все. Социальные программы государства сводятся к экономике, экономика к политике, а политика к взаимоотношениям стандартных персонажей: деспотичный отец, верные слуги, покорные и непокорные сыновья и дочери, воинствующий дядюшка, погибший в противостоянии тирану – и непременно невинный страдалец. Без страдальца жанр не работает, недостает соплей для склейки сюжета.

Хрущев в своей приснопамятной речи назначил главными страдальцами репрессированных партийных секретарей, оплакивая с трибуны горькую судьбу Косиора, Эйхе и иже с ними. С тех пор и пошла легенда о том, что «сталинские репрессии» были направлены против партии и укрепившихся в ней, как на бастионе Сен-Жерве, «верных ленинцев» (из коих Никита Сергеевич, как молчаливо предполагалось, последний уцелевший). Поскольку советская история была дамой подневольной и подцензурной, версия XX съезда продержалась до самой перестройки и даже некоторое время после ее начала. Репрессированные военные тоже в ней присутствовали, но на вторых ролях.

Однако «срывание покровов» – процесс, который легче запустить, чем остановить. Вскоре выяснилось, что товарищи Косиор, Эйхе и иже с ними были персонажами, мягко говоря, страшноватыми (Хрущев, впрочем, не лучше). Да и Ленин потерял былой имидж «самого человеческого человека». И вот тогда на авансцену вышли и закрепились в качестве главных страдальцев эпохи расстрелянный в 1937 году маршал Тухачевский со своими товарищами. Компромата на них нашлось немного, военная форма мужчинам идет, смотрятся хорошо и женщинам нравятся. А история – она женского рода, что и доказала неоднократно, не слишком жалуя штатских деятелей и откровенно любуясь полководцами. Томный красавец, прекрасный принц из грез дамы бальзаковского возраста, да притом невинно умученный – что еще нужно для успешной пиар-кампании?

Предпринимались, правда, попытки назначить на роль страдальца и других персонажей советской истории. Даже Троцкого примеряли – но не вышло из-за несогласованности позиции разных авторских групп. Еврей, соратник Ленина, без дворянских корней, да и внешность... бр-р-р! Тем более троцкисты предпочитали видеть в нем «дядюшку», погибшего в бою с тираном, и очень громко об этом шумели. Попытка представить Троцкого невинной жертвой режима воспринималась ими как оскорбление памяти вождя и учителя.

Примеряли ореол и на других персонажей – в частности, на Бухарина, сияющие глаза которого должны были вызвать сочувствие – и вызывали, до тех пор, пока не выяснилось, что за этим сиянием скрывается натура настолько трусливая и жестокая, что даже сериал не выдержал. Прочие усекновенные тираном персонажи из числа «верных ленинцев» тоже растеряли репутацию страдальцев по мере того, как все верные ленинцы перемещались в категорию бывших поделщиков главного злодея – а значит, так им и надо!

Ну, а военные остались – они красивые, в форме, их женщины любят. Маршалу Тухачевскому не повредили даже столь кошмарные деяния, как участие в подавлении Кронштадтского и Тамбовского восстаний – аудитория простила, ведь он солдат, ему приказали...

На самом деле такой красивый генерал по законам мыльной оперы может быть не только невинной жертвой, но и коварным злодеем. Однако коварных злодеев на сцене хватает и без него, так зачем плодить сущности сверх необходимого?

Но если сойти со сцены, на которой разыгрывается сериал, в реальное историческое пространство, то окажется, что все немножко не так – до полной противоположности.

Сейчас существуют две основные версии событий «тридцать седьмого года». Первая – все те же «необоснованные репрессии». В ней много эмоций, но мало смысла, поскольку ни один из тех, кто пишет на эту тему, так и не смог объяснить, зачем это понадобилось Сталину. Что он, с ума сошел?

Да, с ума сошел – достаточно открытым текстом говорили со страниц «демократических» изданий. Маниакальная подозрительность, паранойя, Советским Союзом правил безумец, повергнувший все его население в состояние животного страха. Впрочем, ни одного доказательства того, что Сталин был сумасшедшим, так никто и не представил. Да они и не требовались, поскольку иной хоть сколько-нибудь обоснованной мотивации расправ с верными сторонниками все равно не найти. А откуда известно, что эти люди были верными сторонниками и честными коммунистами? Ну как же, об этом Хрущев на XX съезде сказал. А если он врал? Ну что вы, как может врать Хрущев, он же там был и сам все видел!

Очень, знаете ли, мне это напоминает старый еврейский анекдот:

«– Изя, ты таки знаешь, что наш цадик святой человек? Он каждый день беседует с Богом!

– Да что ты! Слушай, Мойша, а он не врет?

– Опомнись, что ты говоришь! Как же может врать человек, который каждый день беседует с Богом?!»

Вторая версия базируется на том утверждении, что сторонники были не такими уж и верными, и накануне войны Сталин решил расправиться с политическими противниками, а также с теми, кто, по его мнению, мог бы помешать выиграть грядущую войну. Этот вариант более благородный – однако и он не катит.

Причина проста: мы все равно остаемся в пространстве сериала. «Сталин захотел», «Сталин казнил» или же «помиловал»... В реальной истории самовластный правитель долго не проживет. Если вождь не хочет погибнуть смертью безвременной, он должен править хоть по законам, хоть по понятиям – но по законам или по понятиям, а не как левая нога возжелает. Иначе очень скоро он получит «черную метку» со всеми вытекающими из нее (или вылетающими из дула) последствиями.

Если же говорить не об абстрактном вожде, а о конкретном Сталине, то он и вовсе с редким упорством лепил из доставшегося ему дикого поля *правовое государство*, особенно активизировавшись на этом поприще с середины 30-х годов. Ну, и какой в этом смысл? Если он хотел расправиться с противниками, то был прямой резон сначала их перебить, а потом заняться наведением порядка и торжеством законности. Так, как Гитлер – едва придя к власти, устроил «ночь длинных ножей», а потом начал обустраивать свое государство. Но не наоборот же! Какой смысл укреплять законность накануне расправы с политическими противниками, вместо того, чтобы разобраться с ними «по-революционному», а потом посетовать на «головокружение от борьбы», сделать несколько горьких выводов и заняться правовой стороной советской жизни?

Неувязочка, однако...

Так называемые «репрессии» были сложным, многослойным процессом, в котором сплеталось множество разных факторов, и жертвы были самые разные, равно как и обстоятельства

их гибели. «Невинно убиенных партийцев» придумал еще Хрущев, чтобы подвести основу под реабилитацию своих расстрелянных друзей, «расправу с политическими противниками» сочинили в 90-е годы, о правовом государстве же во все времена молчали насмерть, это открытие последнего времени. Не только молчали, но и всеми силами постарались ошельмовать Генерального прокурора СССР Вышинского, который был мотором этого процесса. Однако правда все же вышла наружу, и историческая картина рассыпалась, потеряв всякую логику.

Не говоря уже о том, что если все сказанное «реабилитаторами» правда, то надо срочно возрождать советский строй как наилучшую форму государственного устройства. Потому что если в государстве не существует ни шпионажа, ни заговоров, ни антиправительственных выступлений, ни террористов, ни бандитов... прямо-таки не государство, а филиал рая на земле. Почему не существует? Ну как же: ведь в какую статью ни ткни, все осужденные по ней реабилитированы «за отсутствием состава преступления». Можно, правда, порассуждать о «рабской душе» русского народа и о запугавшем всех inferнальном монстре под названием НКВД... Гитлер тоже так думал, а когда дошло до дела, выяснилось, что «русские рабы» защищали свое ведомое «жидами-комиссарами» Отечество гораздо лучше, чем, скажем, «просвещенные» французы, да и прочие датчане с норвежцами. Не иначе, заградотряды с пулеметами действовали...

На самом деле, конечно, шпионы, заговорщики, бандиты, террористы и прочие криминальные личности в Советском Союзе существовали, как и в любом уважающем себя государстве. Так что ореолы вокруг «невинных страдальцев» гасли один за другим. Дольше всех наша общественность отстаивала маршала Тухачевского. Я понимаю – он и мне нравится. Мужчина с такими глазами просто обязан быть невинным страдальцем в любом уважающем себя сериале.

Одно только «но»: мы не в телевизоре живем...

Часть 1. Непарламентская оппозиция

«...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

Мф. 12,25.

«Пойдешь налево, все равно придешь направо, и наоборот, если пойдешь направо – все равно придешь налево».

Сталин

Давайте попробуем подойти к делу с другой стороны. Могло ли случиться так, что заговора *не было*? Такая наступила в России страна чудес: пришли к власти политические радикалы, стопроцентные отморозки, начали творить что-то такое, чего никто и никогда не делал – а заговора не было! Все, вот прямо-таки все общество было к их виражам совершенно и абсолютно лояльно! Никто не хотел потеснить их от руля, и не хотел спасти несчастную державу, и не держал руку чужеземных охотников до чужих богатств. И происходило все это в 30-е годы, когда в Европе к власти рвался фашизм, переворот следовал за переворотом, заговор за заговором... А у нас – не было!

Была оппозиция. Часть левых радикалов, замутивших революцию в крупнейшей стране мира, вдруг стала тихой, мирной, скромной оппозицией, которая не сошлась с правительством по некоторым вопросам в ходе партийной дискуссии. А ее за это – в Сибирь! А потом – к стенке!

Нам с этой парламентской демократией совсем голову задурили. После шквала публикаций и телепередач наш человек, на чистом автомате, воспринимает «оппозицию» как кучку шумных, но довольно безвредных митинговых болтунов. Вроде голубей: оно, конечно, и шум от них, и грязь – но какой же город без голубей? Между тем налицо типичная игра терминов, ибо оппозиционеры 20 – 30-х годов были далеко не голубки. Пожалуй, еще более не голубки, чем власть имущие.

В точном переводе с английского «opposition» значит «сопротивление», «противодействие». О целях и методах словарь умалчивает. Между тем даже простой здравый смысл говорит, что в этой области между нынешними квелими политиками и тогдашними, прошедшими Гражданскую войну, «умытыми кровью» отморозками должна быть некоторая разница. Так она и вправду была.

Когда партия борется против правящего режима, само положение «против» ее консолидирует. Правда, российские социал-демократы и тогда ухитрялись переругаться, варьируя методы от полемических газетных статей до банального мордобоя. Но что началось, когда они взяли власть, а уж тем более, когда сумели отбиться от всяческих противников и интервентов и настала пора строить что-нибудь на месте разрушенного «до основания» мира! Вот тогда-то все и началось...

Глава 1. «Наследники Ильича»

...В чем было преимущество партии большевиков перед остальными партиями российского политического спектра – так это в практичности ее руководства. Практичности неожиданной и нежданной, ибо на первый взгляд оно ничем не отличалось от прочих, приехавших в plombированном вагоне. В октябре семнадцатого взять власть труда не стоило, подбирай с полу да держи, сколько сможешь. Не хитро было брать, хитро удержать и не угодить в петлю, оттого-то более трезвомыслящие политики о том и думать боялись. А эти словно в компьютерную стрелялку играли, не пугаясь и не комплексуя, – и в результате сделали невозможное, не только взяв, но и удержав власть. У них не было ни опыта руководства страной, ни даже какой-либо практики, но они помнили теорию и знали историю. Не говоря уже о том, что во главе большевистской партии стоял политический гений. Может статься, он был никудышным стратегом – если относиться всерьез к его теоретическим работам – зато был совершенно гениальным тактиком, что в конце концов и решило дело.

Сразу же после Октября, 29 ноября 1917 года, ЦК РСДРП(б), понимая, что демократическими методами управлять страной невозможно, создает «четверку» для решения самых важных, не терпящих отлагательства вопросов. Это и была верховная власть Страны Советов (во время Великой Отечественной войны аналогичный орган назывался Государственный комитет обороны). Посмотрим же, кто персонально входил в эту верховную власть.

Первый, конечно – это Ленин. Тут много говорить не приходится, его значение и так понятно. Он, может быть, довольно путанный теоретик и довольно экзотичный практик, но он – «мотор» партии большевиков и новой власти, мастер экстраординарных решений и в качестве главы исполнительной власти – председателя Совнаркома – оперативной работы.

Второй – Сталин. В правительстве он занимает небольшой пост наркома по делам национальностей, однако если отрешиться от постов, то это самая серьезная фигура большевистской «теневой» колоды, сугубый практик, в публичной политике не засвеченный и к парламентской болтовне не причастный, зато поистине великий организатор.

Третий – Троцкий. Это фигура непонятная. В партии без году неделя, в качестве наркома по иностранным делам едва не провалил Брестский мир, его деятельность на посту наркомвоена тоже часто напоминала провокацию. Почему Ленин держал его возле себя, какие их связывали отношения – непонятно. После смерти вождя в кратчайшие сроки даже не Сталин вышиб его с высокого поста – он сам слетел оттуда, поскольку к любой позитивной деятельности был категорически неспособен.

И, наконец, четвертый – фигура загадочная, этакий «пиковый король», и не понять, то ли простая это масть, то ли козырная. Роль его в революции не то что до конца не ясна, а и вообще непонятна. Это человек, известный в партии как Андрей Уральский, а в историю вошедший под своим собственным именем – Яков Свердлов. Второй главный практик большевистской партии, в 1912 году он входил наряду со Сталиным в Русское бюро ЦК (их там было всего-то четверо – двое организаторов рабочего движения и два депутата Думы). После победы революции Свердлов стал председателем ВЦИК – то есть формальным главой государства, а в партии отвечал за расстановку кадров, которые, как известно, решают все. Это был подлинный «человек-оркестр». После его смерти для выполнения работы, с которой справлялся один Свердлов, пришлось ввести должности трех секретарей ЦК с помощниками. Когда Сталин позже, став генеральным секретарем, снова объединил эти функции в одном лице, про него стали говорить, что он сосредоточил в своих руках необъятную власть. Против необъятной власти в руках Свердлова никто не возражал.

Именно Свердлов вскоре стал вторым после Ленина (или же первым наравне с ним) человеком в государстве. Даже в его официальной, насквозь социалистической биографии про-

скальзывает упоминание о негласном договоре между Лениным и Свердловым: если с одним что-нибудь случится, второй принимает на себя всю полноту власти. Не факт, что это правда – но написано такое было, а подобные вещи просто так не пишутся...

«Четверка», впрочем, продержалась недолго. Весной 1918 года Сталин уехал на фронт, а Троцкий стал наркомом по военным и морским делам и занялся военным строительством. В первые послереволюционные годы у партии и, соответственно, у страны было два лидера, два кита, на которых держалось все, – Ленин и Свердлов.

Но не прошло и пяти лет, как положение изменилось, причем быстро и кардинально. В 1919 году умирает Свердлов. Этого никто не ждал – такой молодой! А в начале двадцатых тяжело заболевает Ленин. Уже к 1923 году становится ясно, что Ильич к работе больше не вернется. При должном уходе и лечении он, пожалуй, мог бы прожить еще несколько лет, но человек в таком состоянии – не работник. Оставшиеся «наверху» могли теперь рассчитывать только на себя.

В 1923 году в партии было три лидера, претендующих, хотя бы формально, на первую роль, – Троцкий, Зиновьев и набирающий силу Сталин. Пока Ленин был работоспособен, он как-то ухитрялся привести эту разношерстную компанию хотя бы к относительному единению. Но когда его не стало, тут же выяснилось, что для практической работы состав Политбюро крайне неудачен. Троцкий был к ней неспособен в принципе, от коминтерновца Зиновьева и стоявшего за ним теоретика Каменева тоже оказалось мало толку, и очень скоро почти вся она легла на Сталина. С этим надо было что-то делать, но пока Ленин незримо присутствовал в Кремле, в Политбюро царила атмосфера ожидания. Откровеннее всех вел себя несдержанный Троцкий. Он фактически отошел от работы, даже присутствуя на заседаниях Политбюро, не участвовал в обсуждении, а демонстративно читал английский или французский роман либо же выискивал ошибки и оговорки у товарищей по власти, чтобы затем обрушиться на них с язвительной критикой.

Впрочем, толку от всей демонстративности Троцкого было мало, потому что все большее влияние приобретали Сталин и его команда. Сын грузина-сапожника был абсолютно чужд интеллигентско-эмигрантскому братству, и вставать в позу перед ним обычно оказывалось бессмысленно, а то и себе дороже.

И все же пока вождь был жив и мог, хотя бы гипотетически, выздороветь, разобраться с дальнейшей судьбой власти было и неприлично, и страшновато. Это только в сказках все рвутся в цари, а на деле принять на себя ответственность за такую огромную страну, да еще в такое время... Это ведь были не демократические «политические деятели», готовые при первой же трудности прижать уши и сложить полномочия. Эти в отставку не подавали, даже на тот свет. Самоубийство тоже считалось дезертирством, «легким выходом» из жизненных тупиков.

А время на дворе стояло веселое...

«Революционеры» и «государственники»

– Если бы сейчас была дискуссия, – начала женщина, волнуясь и загораясь румянцем, – я бы доказала Петру Александровичу...

– Виноват, вы не сию минуту хотите открыть эту дискуссию? – вежливо спросил Филипп Филиппович.

М. Булгаков «Собачье сердце»

Война закончилась, исчезла смертельная опасность для молодого советского государства – но исчезла и внешняя вынуждающая сила, спланивавшая большевиков против смертельной опасности. И сразу же с уменьшением давления проявились разногласия, отложенные «на потом». Собственно партия, или, пользуясь терминологией Оруэлла, «внутренняя партия»,

проявила отчетливую тенденцию по любому поводу вступать в бесконечные дискуссии, подавая дурной пример партии «внешней». То есть ничего нового-то не происходило, процесс этот шел с самого начала существования партии, в бесконечных дискуссиях проходила вся ее жизнь, не исключая и военного времени – но во время войны спорили как-то между делом и по не слишком глобальным поводам. А теперь словесная река вырвалась наконец из теснины и разлилась на просторе...

Первым вестником нового жизненного этапа – еще, кстати, до окончания Гражданской войны, стала «дискуссия о профсоюзах». Часть видных большевиков, размышляя о том, как организовать государство после победы в войне, выступила за передачу верховной власти профсоюзам. Троцкий тут же потребовал заодно их чистки и всеобщей милитаризации. (У него был свой интерес, он рассчитывал играть в этих милитаризованных профсоюзах ведущую роль.) Очередной теоретический спор, делов-то! – мало ли глупостей уже предлагали и еще будут предлагать. Охота в такое время заниматься такими проектами!

Но, как без труда догадается хоть немного продвинутый в реальной политике человек, дело-то было совсем не в профсоюзах. Вот ведь интересно – когда в наше время в верхах происходит какое-нибудь новое назначение или изменение, политическое ли, партийное или какое другое, то все правильно понимают происходящее и спрашивают, не кто что предлагает, а кто чью руку держит и в чьей команде шагает. А как речь заходит о двадцатых годах, так словно туман глаза застит. Кто бы об этом времени ни писал, сразу же начинает разбираться, кто что говорил, кто на каких позициях стоял, кто был не прав и в чем именно, и так там, в этом идеологическом болоте, и остается.

На самом деле все куда проще. Как писал эмигранту Илье Британу кто-то из видных большевиков (подозревали, что Бухарин): «Помните, когда пресловутая дискуссия о профсоюзах угрожала и расколом партии, и заменой Ленина Троцким (в этом была сущность дискуссии, скрытая от непосвященных тряпьем теоретического спора...)» Вот именно: тряпье теоретического спора – а суть-то совсем иная, самая банальная борьба за власть в партии была сутью как этой, так и последующих дискуссий. И партийные массы, кстати, прекрасно это понимали. Они могли быть малограмотными и не отличать Второго Интернационала от Третьего, но чего хочет оппозиция, знали четко, ибо это вопрос житейский, а в житейских вопросах излишняя грамотность только помеха.

Надо сказать, что время для вершущихся разборок было самое подходящее. Семь лет войн и революций отбросили и без того далеко не передовую Россию на добрых полстолетия назад. Сельское хозяйство давало 65 % продукции от далеко не идеального для страны уровня 1913 года, промышленность – всего лишь 10 %. Нэп оживил торговлю, но неспособен был поднять производство. Железнодорожный транспорт агонизировал. Голод в Поволжье унес миллионы жизней. Положение было хуже некуда, но выходить из него предполагалось по-разному.

Трещины проходили по поверхности – теория, идеология, политика, – но раскол-то шел гораздо глубже, до самой коренной породы, до природы человеческой. Психологически тогдашних большевиков можно поделить на «революционеров» и «государственников». Первые – нормальные, чистопородные смутьяны-радикалы – не видели для себя ни малейшего интереса в какой бы то ни было хозяйственной прозе. Возиться с промышленностью, сельским хозяйством и прочей экономической дребеденью им было смертельно скучно, как скучно было бы путешественнику-землепроходцу работать председателем колхоза. Это были по сути своей че гевары, горевшие желанием «раздуть мировой пожар на горе буржуйам», нести знамя социалистической революции в Европу, которая почему-то задерживалась с выступлением. Поэтому их совершенно не интересовали никакие экономические проблемы, они хотели одного – продолжать делать мировую революцию. А не выйдет – так на что им эта страна?

«Государственники» же – некоторое количество случайно оказавшихся в этой лихой компании нормальных людей – собирались заняться приведением в порядок страны. «Мировая

революция»? Ну ладно, может быть, но это когда-нибудь потом... Едва ли нашелся бы в то время среди большевиков человек, который не верил бы в мировую революцию, но эти верили в нее как в светлое будущее, а не в то, чем надо заняться срочно и немедленно.

Это не взгляды и не позиции, это психологические типы, они легко прослеживаются и в обычной жизни. Кто-то работает, а кто-то воду мутит. Беда в том, что к власти в 1917 году пришли левые радикалы – сила, где первых, то есть «революционеров», было подавляющее большинство.

Чистопородным смутьяном оказался Троцкий, взгляды которого несколько позже вылились в теорию «перманентной революции», суть которой ясно видна из названия. «И вечный бой, покой нам только снится!» Победу большевиков в России он считал «недоразумением» и мог примириться с ней лишь как со ступенькой к долгожданной революции на Западе, которую он готов был приближать и разжигать любыми способами, вплоть до вооруженной интервенции. В середине 30-х годов троцкизм дошел до совершенно безумной теории о том, что в России вообще все «неправильно», что надо вернуть ее в капитализм, «дорастить» до состояния, соответствующего промышленно развитой державе «по Марксу», и потом вместе с Западом вести к революции. Но это будет потом. А пока что Троцкий рассматривал мир как «передышку» перед «последним и решительным боем» и проявлял полное отсутствие интереса к какому бы то ни было мирному строительству, тем более что в принципе был не способен ни к какому созидательному труду, разваливая все, к чему прикасался.

Однако авторитет в массах, как правило, добывается не созидательным трудом, а митинговыми талантами, и авторитет у Троцкого был чрезвычайно велик. Он опирался на «молодых» партийцев, вступивших в партию в годы Гражданской войны. Молодежь сама по себе не любит рутинной работы, зато легко находит «упоение в бою и бездны мрачной на краю», не задумываясь, что другие поколения, может быть, хотят совсем другого. Большинство молодых партийцев и не знали, что до 1917 года Троцкий являлся меньшевиком и противником Ленина. Для них он был прежде всего победоносным наркомом, портреты которого висели на каждом углу. Сам же Лев Давидович видел себя, конечно, только на первых ролях. «Я не гожусь для поручений, – писал он впоследствии в автобиографии. – Либо рядом с Лениным, если бы ему удалось поправиться, либо на его месте, если бы болезнь одолела его».

Что он стал бы делать на месте Ленина – о том Троцкий умалчивает. Впрочем, и так ясно – воевать, а поскольку строить он не умеет, то выигрывать битву нельзя, ибо за выигрышем неминуемо придет стройка. А значит, следует гордо проиграть и в эмиграции писать мемуары о героическом прошлом – именно этим, кстати, и кончилась для него борьба со Сталиным за власть.

Основным «государственником» в большевистских верхах был Сталин, практический ум которого двигался не от теории к теории, а от задачи к задаче. Если же надо было что-нибудь теоретически обосновать, то он, вооруженный изобретенным им «творческим марксизмом» и семинарским образованием, мог без труда придумать обоснование «по Марксу» для всего, что бы ни происходило в стране. Уж на что Молотов – твердокаменный сталинист, и тот признавал, что Сталин в теории был не особенно силен, зато как практика равного ему не было. Но в той мере, в какой это было необходимо, он мог пристегнуть марксизм к текущему моменту и, главное, объяснить это массам простым и доходчивым языком. Попробуй-ка, пойми писания Троцкого, даже имея за плечами университет! А Сталина любой красноармеец с церковноприходской школой понимал превосходно...

...Первым начал Троцкий – сколько же можно на Политбюро романы читать! И, верный своей «иудушкиной»¹ привычке, время выбрал самое подходящее – когда Советская Рос-

---

¹ «Иудушкой» как-то раз со злости назвал Троцкого Ленин.

сия, усилиями Коминтерна, намеревалась ввязаться еще в одну войну. Осенью 1923 года, в самый разгар германского «красного октября», когда Красная Армия готова была вторгнуться в Польшу, чтобы прорваться на помощь начинающейся германской революции, его сторонники выступили с оппозиционной платформой под названием «Заявление 46-ти». Всем было ясно, что выступление это инспирировано Троцким. В тот момент такой шаг был воспринят партийной элитой как акт прямого предательства.

В 90-е годы много говорили и писали о нашей храброй оппозиции, о том, как она отважно противопоставляла себя Сталину. Но почему-то не очень любили публиковать документы этой самой оппозиции. Почему бы это? Может быть, все прояснится, если прочесть хотя бы одно оппозиционное воззвание? Итак, вот оно, «Заявление 46-ти в Политбюро ЦК РКП(б)» от 15 октября 1923 года.

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжелыми бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией, как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений.

Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство или, вернее, на отсутствие всякого руководства, не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым экономическим кризисом.

Мы стоим перед близящимся потрясением червонной валюты, которая стихийно превратилась в основную валюту до ликвидации бюджетного дефицита, перед кредитным кризисом, когда Госбанк без риска тяжкого потрясения не может финансировать не только промышленность и торговлю промышленными товарами, но и закупку хлеба для экспорта, перед остановкой сбыта промышленных товаров вследствие высоких цен, которые объясняются, с одной стороны, полным отсутствием планомерного организаторского руководства в промышленности, с другой стороны, неверной кредитной политикой; перед невозможностью осуществления хлебоэкспортной программы вследствие невозможности закупать хлеб; перед крайне низкими ценами на пищевые продукты, разорительными для крестьянства и грозящими массовым сокращением сельскохозяйственного производства; перед перебоями в выдаче зарплаты, вызывающими естественное недовольство рабочих; перед бюджетным хаосом, непосредственно создающим хаос в государственном аппарате; «революционные» приемы сокращений при выработке бюджета и новых явочных сокращений при его реализации стали из переходных мер постоянным явлением, которое непрерывно сотрясает госаппарат и вследствие отсутствия плана о сокращениях – сотрясает его случайно, стихийно.

Все это суть некоторые элементы уже начавшегося хозяйственного, кредитного и финансового кризиса. Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними политическими осложнениями и с полным параличом нашей внешней активности и дееспособности. А последняя, как всякому понятно, нужна нам теперь больше, чем когда-либо, от нее зависят судьбы мировой революции и рабочего класса всех стран...»

Как видим, первая часть письма посвящена констатации того ну прямо-таки никому не ясного факта, что положение хреновое. С ума сойти, какое открытие! Впрочем – нет, не совсем хреновое, ибо были достигнуты некоторые успехи, и даже крупные – хотя руководство страны

тут ни при чем, достигнуты они были совершенно стихийно, вот взяли и родились сами собой из хаоса. Но все равно много хренового, и надо принимать меры. И, по-видимому, сейчас мы познакомимся с планом этих самых широких, продуманных и пр. мер, разработанных партийной оппозицией.

Ан фиг вам, любезные! Все это, оказывается, была преамбула, и дело совсем не во всеохватывающем кризисе, который вот-вот грядет. Потому что дальше речь пойдет совсем о другом.

«Точно так же и в области внутрипартийных отношений мы видим ту же неправильность руководства, парализующую и разлагающую партию, что особенно ярко сказывается во время переживаемого кризиса.

Мы объясняем это не политической неспособностью нынешних руководителей партии; наоборот, как бы мы ни расходились с ними в оценке положения и в выборе мероприятий к его изменению – мы полагаем, что нынешние руководители при всяких условиях не могут не быть поставлены партией на передовые посты рабочей диктатуры (то есть речь о смене власти не идет. Кто пахал, те пусть и пашут. Тогда о чем вообще весь базар? – *Авт.*). Но мы объясняем это тем, что под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий. В результате искаженного такими узкими расчетами партийного руководства партия в значительной степени перестает быть тем живым самостоятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни...»

Что, интересно, имеют авторы в виду под «общественной жизнью»? Как сложившаяся иерархия может помешать устраивать субботники, организовывать кружки политграмоты и школы ликбеза, шефствовать над заводами и стройками? Оказывается, под общественной жизнью оппозиция имеет в виду нечто весьма специфическое.

«...Это факт, который известен каждому члену партии. Члены партии, недовольные тем или иным распоряжением ЦК или даже губкома, имеющие на душе те или иные сомнения, отмечающие «про себя» те или иные ошибки, неурядицы и непорядки, боятся об этом говорить на партийных собраниях, более того – боятся беседовать друг с другом, если только собеседник не является совершенно надежным человеком в смысле «неболтливости»; свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло. В наше время не партия, не широкие ее массы выдвигают и выбирают губернские конференции и партийные съезды, которые в свою очередь выдвигают и выбирают губкомы и ЦК РКП. Наоборот, секретарская иерархия, иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии. Режим, установившийся внутри партии, совершенно нестерпим; он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно даст осечки в момент кризисов и который грозит оказаться совершенно несамостоятельным перед лицом надвигающихся событий...»

Теперь мы видим, что под общественной жизнью понимаются дискуссии – как показала практика, бесконечные и по любому вопросу, ибо известно, что где соберутся два политика, там непременно присутствуют три мнения, а в отдалении маячит четвертое. Ну как же так: у них есть мнения, а высказать их не дают... Что же касается нормальной и ненормальной работы, то тем, кто согласен с авторами письма, предлагаю провести эксперимент: попробовать

организовать на дискуссионно-демократических началах работу, например, бригады ремонтных рабочих из пяти человек и посмотреть, что они вам наремонтируют.

А дальше пошли уже совсем интересные вещи:

«Создавшееся положение объясняется тем, что объективно сложившийся после X съезда режим фракционной диктатуры внутри партии пережил сам себя. Многие из нас сознательно пошли на непротивление такому режиму. Поворот 21-го года (нэп. – *Авт.*), а затем болезнь т. Ленина требовали, по мнению некоторых из нас, в качестве временной меры, диктатуры внутри партии. Другие товарищи с самого начала относились к ней скептически или отрицательно. Как бы то ни было, к XII съезду партии этот режим изжил себя. Он стал поворачиваться своей оборотной стороной. Внутрипартийные сцепы стали ослабляться. Партия стала замирать. Крайне оппозиционные, уже явно болезненные течения внутри партии стали приобретать антипартийный характер, ибо внутрипартийного товарищеского обсуждения наболевших вопросов не было. А такое обсуждение без труда вскрыло бы болезненный характер этих течений как партийной массе, так и большинству их участников. В результате – нелегальные группировки, выводящие членов партии за пределы последней, и отрыв партии от рабочих масс...»

А мы-то думали, что этот процесс начался после 1927 года! А он, оказывается, уже в 1923-м шел полным ходом...

Дальше идет снова все та же риторика о кризисе и единстве – мы уж пожалеем себя и читателя, не станем ее приводить. И вот, наконец, резюме.

«В партии ведется борьба тем более ожесточенная, чем более глухо и тайно она идет. Если мы ставим перед ЦК этот вопрос, то именно для того, чтобы дать скорейший и наименее болезненный выход раздирающим партию противоречиям и немедленно поставить партию на здоровую основу... Фракционный режим должен быть устранен – и это должны сделать в первую очередь его насадители, он должен быть заменен режимом товарищеского единства и внутрипартийной демократии».

Одним словом, ЦК и Политбюро поставили перед фактом: либо они возрождают в партии свободу дискуссии без конца и без края, либо она распадается на нелегальные группировки. Перспективочка, однако...

И это все. Вот оно, знаменитое «Заявление 46-ти», о котором столько говорили, но которое почему-то не публиковали – теперь, надемся, ясно почему? Ничего иного, кроме как требования свободы бесконечной болтовни, в этом письме не содержится. Видно, уж очень приперло, если этот вопрос сочли столь актуальным, что подняли его в такое время. Впрочем, одно радует: это письмо сыграло свою роль в принятии решения по «германскому вопросу», и Красная Армия не сунулась в Польшу. И таковы все подобные документы – много слов и никакой конкретики. И требование свободы дискуссий, дискуссий без конца!

Тем не менее шум был до неба. 27 декабря начальник политуправления Красной Армии Антонов-Овсеенко даже написал в Политбюро письмо с угрозами: если тронут Троцкого, то вся армия станет на его защиту. Обстановка была такой, что в начале 1924 года кое-кто всерьез ждал переворота. Однако Троцкий то ли был болен, то ли трусил – но «демон революции» отмолчался, а без него начинать никто не решился.

Ну, и что было делать с оппозиционерами? Они хотели дискуссии – они ее получили. Состоявшаяся в декабре 1923 – январе 1924 года партдискуссия закончилась полным поражением оппозиции. В партийных организациях ЦК поддержали 98,7 % членов партии, а троцкистов – 1,3 %, о чем и было торжественно объявлено на XIII партконференции. Пьедестал, который Троцкий столь старательно сколачивал для себя из тел своих сторонников, торжественно под ним развалился. Кстати, сам он на конференцию не явился – «лечился от простуды» в Сухуми. Еще одно предательство «демона революции»...

Не приехал Троцкий и на похороны Ленина, заявив, что его поздно известили и он не успевает в Москву – хотя самолеты в то время уже летали. Нельзя сказать, чтобы товарищи по Политбюро были этим так уж сильно расстроены – без него как-то потише и поспокойней...

Левая, правая где сторона?

*Поскольку мир, как выяснилось, круглый,
То даже если левый ты и бравый,
Не слишком влево забирай от левых,
А то недолго оказаться справа.*

Из латиноамериканской поэзии

Итак, оппозиция проиграла этот бой, как будет проигрывать и все последующие. Причина тому крайне проста. Можно сколько угодно утверждать, что это интриган и тиран Сталин своей железной рукой всех зажал и всем заткнул рот, но на самом деле все проще: за ним всегда было большинство. Причем большинство подавляющее. Даже в партийной среде оппозиция никогда не набирала больше 4 % голосов, не говоря уже о беспартийной. Что, народ правды не чуял?

В том-то и дело, что чуял. Еще как чуял ту правду, что оппозиция всегда была кучкой болтающей интеллигенции. «Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа». В милой полудетской книжечке «Как закалялась сталь» достаточно подробно описывается, как проходила партдискуссия в одной из низовых организаций. Когда, потерпев поражение, местные оппозиционеры заявили, что имеют право организовать фракцию меньшинства, зал взвыл: опять большевики и меньшевики! Сколько же можно? ДОСТАЛИ!!!

...Потерпев поражение, оппозиция ничего не поняла и ничему не научилась. Не успел закончиться базар с «заявлением 49-ти», как подоспела история с пресловутым «ленинским завещанием». Содержание этого документа так широко растиражировано, что пересказывать его нет смысла. Достаточно сказать, что, когда читаешь его целиком, видно, что составлено это «завещание» явно в пользу Троцкого, чего от реального Ленина, который в последний год собирал Политбюро, не приглашая на него «демона революции», ждать не приходилось. Кроме того, из этого документа во все стороны торчат усы, зубы, уши и когти тех, кто к 1924 году понял, что терпеть не может Сталина. Кстати, и в ближайшем окружении Ленина такой человек имелся. Надежда Константиновна Крупская, как показали ее дальнейшие действия, политически явно склонялась на сторону оппозиции.

Тут надо вспомнить, что собой представляло это самое «завещание Ленина». В мае 1924 года, за пять дней до открытия XIII съезда партии, Крупская передала в ЦК конверты со всеми работами Ильича, надиктованными в период болезни, сказав, что Ленин просил огласить «Письмо к съезду» после своей смерти, на съезде партии. Письмо представляло собой машинописный текст, Лениным он был не то что не написан собственноручно (писать он не мог), но даже не подписан. Документ просто кричал о своей сомнительности, как формой так и содержанием. Тем не менее с вдовой вождя спорить не стали, документы приняли, разве что «Письмо» не стали читать с трибуны, а произвели оглашение по делегациям, в пере-рыве. Строго говоря, серьезно повредить «Письмо» могло только Сталину, однако предложение заменить генсека съезд не стал даже обсуждать, и все делегации без исключения высказались за него. Что любопытно, в его защиту горячо и страстно выступил Зиновьев. Тем и закончилась история с «завещанием», воскресшая в годы «перестройки» как сенсация и ни в коей мере не являвшаяся таковой в то время, когда она произошла.

А по большому счету, даже если бы Ленин на самом деле написал эту бумагу – ну и что? Это ведь не распоряжение о судьбе миллиона долларов, нажитых непосильным трудом. Партия не была собственностью Владимира Ильича, и он никому ее завещать не мог...

...Лето – время отпусков. Каждый проводит отпуск по-разному, а советское руководство любило ездить на юг.

Еще летом 1923 года, на прогулке в горах, Зиновьев и Бухарин, забравшись в какую-то пещеру в компании с Лашевичем, Евдокимовым и Ворошиловым, стали обсуждать положение в партии, предаваясь извечному русскому вопросу: что делать? Родилась идея – создать новый партийный секретариат из Троцкого, Сталина и кого-нибудь третьего – Каменева, Зиновьева или Бухарина. Читай: Сталин будет работать, Троцкий саботировать, а «третий» заниматься демагогией. Ворошилов вроде бы покрутил пальцем у виска и отправился восвояси, остальные же принялись за реализацию своего плана всерьез.

Однако идея резко не понравилась как Сталину, которому хотелось хотя бы в секретариате обойтись без дискуссий, так и Троцкому, не желавшему делить необъятную власть секретаря ЦК ни с кем, даже с тем, кто эту власть создал. Сталин ответил со своим обычным юмором: «На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии...» Угроза отставки – то, что сразу же примиряло противников Сталина с его персоной. Демократия демократией, но и работать ведь кому-то надо!

Резюме Сталина было коротким: «С жиру беситесь, друзья мои!» И кто скажет, что он был не прав? Сталин-то сидел в Москве, пока они прохлаждались на юге, и, по его собственному выражению, «тянул ляжку».

Сезон 1924 года вроде бы прошел спокойно. Но это только вроде бы... 19 июля Сталин пишет следующее письмо:

«В Пленум ЦК РКП(б). Полуторогодовая совместная работа в политбюро с т. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. Секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро ЦК). Прошу дать отпуск для лечения месяца на два. По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-нибудь за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела давать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма».

Интересно, чем именно Зиновьев и Каменев так уели Сталина, что он просится от них в Туруханский край? Но ведь чем-то же уели, это ясно...

Не отпустили. Снова и снова он просится в отставку с этого поста – в декабре 1926 года, в декабре 1927-го – и не отпускают, даже слышать не хотят. Тут надо понимать еще один момент: Сталин – человек достаточно сентиментальный. Не зря он всегда был миротворцем. Один из самых старых по стажу членов партии, он пока еще не может отрешиться от того, что оппозиционеры – это его вчерашние товарищи по борьбе, что Каменев – тот самый Лева Розенфельд, который в 1903 году укрывал его на конспиративной квартире после побега из ссылки. Гитлер через какой-то год после прихода к власти устроил «ночь длинных ножей». Сталин был на это не способен в принципе. В конечном итоге это дорого обошлось.

...Осень 1924 года принесла возобновление дискуссии. Троцкий, поверженный «демон революции», не в силах смириться с поражением, выступил уже в открытую, напечатав статью

«Уроки Октября». В ней он снова припомнил октябрьское предательство Каменева и Зиновьева и выступил против них с открытым обвинением в оппортунизме. Будоражить память о позорном и неудачном выступлении было что ткнуть в больной зуб. Оба, естественно, возмутились и потребовали исключить обидчика из партии. Спас его... Сталин, выступивший в защиту Троцкого, так что дело кончилось всего лишь отстранением последнего в январе 1925 года от руководства военными делами, что в любом случае следовало сделать, потому что бардак в армии он развел невообразимый.

Но политическая команда Троцкого осталась при нем. Кто же в нее входил?

В начале перестройки многочисленными публикациями пытались сформировать образ троцкиста как левого экстремиста, сторонника тотального обобществления, трудовых армий и мировой революции. На самом деле это устойчивый миф, который был создан самим Троцким еще в 20-е годы и сохранился до наших дней. Внешне его платформа действительно состояла из трех групп левых лозунгов. Это критика бюрократических порядков в партии, борьба за «соблюдение внутрипартийной демократии». Это критика слева политики нэпа и – сугубо теоретическая часть платформы – критика теории построения социализма в одной стране. На самом же деле так всего-навсего было удобнее критиковать правительство и вербовать сторонников. Когда правительство резко взяло влево, Троцкий тут же начал наскакивать на него уже с правой стороны.

Фактически же раскол шел не по идеологической, а совсем по иной плоскости. Если вынести за скобки лозунги – кто на самом деле поддержал Троцкого? Ну, во-первых, конечно, вечные «революционные мальчики», неспособные к работе горлопаны. Во-вторых, «обиженные» всех уровней, которых всегда много, охотно присоединились к дискуссии о «внутрипартийной демократии». В-третьих, на его стороне выступили всевозможные национал-уклонисты. Например, у Троцкого было очень много грузин – 10–15 процентов. Грузины почти поголовно в то время были националистами. Сделали ставку на Троцкого и сепаратисты-украинцы. В общем, прослеживалась закономерность – где сепаратизм был развит сильнее, там и троцкизм был развит сильнее. Затем его поддерживали децисты, сторонники «демократического централизма», – а это уже сепаратисты в квадрате. На словах «децисты» были сторонниками ультралевого крыла в партии, а на деле – поборниками парада региональных суверенитетов, то есть полного развала государства. На его стороне было много иностранных коммунистов, осевших в СССР, вроде Раковского и Радека, – ну, это буревестники из Коминтерна, с ними все ясно. Кстати, что касается политики, то Радек по всем позициям был куда более правым и все время состоял при Ленине – а теперь вдруг оказался при Троцком, предпочтя роль «хвоста у Льва», как позднее сам писал в знаменитой эпиграмме на Ворошилова:

Ах, Клим, пустая голова,
Навозом доверху завалена.
Ведь лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина.

Трудно сказать, чем лучше – что хвост, что задница, все одна сторона тела...

Если что и могло быть хуже, чем Политбюро образца 1921 года, – так это его состав в 1925 году. К прежним, уже притершимся друг к другу «закадычным врагам» добавились еще Бухарин, Рыков и Томский. Идейным вождем троих новых членов был Бухарин. Он почему-то считался вождем «правых» в партии, хотя его взгляды были куда левее сталинских. Впрочем, он постоянно менял свои теоретические позиции, одно лишь было неизменно – он видел Россию как плацдарм и резерв для будущей мировой революции. Правда, он был в то время еще

и за укрепление крестьянского хозяйства, и даже бросил лозунг «Обогащайтесь!», который вскоре успешно сменил на противоположный. Может быть, поэтому и в правых ходил?

Казалось бы, Политбюро должно былоделиться на «правых», «триумвират» (Сталин, Зиновьев, Каменев) и героя-одиночку Троцкого, который будет гордо стоять над схваткой. Однако все вышло не так.

...Осенью 1925 года Зиновьев осознал, что власть медленно, но верно ускользает из его рук. Коминтерн терял влияние, тем более что в капиталистических странах началась стабилизация, курс на мировую революцию явно проваливался. Ленинград, где он сидел первым секретарем, все больше превращался в провинциальный город. Фундаментальный труд Григория Евсеевича под названием «Ленинизм», где он продолжал упорно настаивать на мировой революции, не произвел ожидаемого впечатления, более того, подвергся критике со всех сторон.

И в августе «ленинградцы» внезапно восстали против Сталина. На октябрьском Пленуме они выступили с «теоретическим» обоснованием своей позиции, однако присутствующие быстро разобрались в ситуации. Когда, после длиннейшей двухчасовой речи, Каменев сделал вывод, что «товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. Мы против единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!», в зале послышались выкрики: «Вот оно в чем дело!» «Раскрыли карты!». В общем, и эта атака провалилась.

В результате на XIV съезде партии в декабре 1925 года Зиновьев и Каменев выступили во главе новой оппозиции. Их поддержал крайне правый по своим взглядам наркомфин Сокольников, а в качестве «свадебного генерала» выступала Надежда Константиновна Крупская. Новая оппозиция отражала взгляды питерских рабочих, требовавших – а чего могут требовать рабочие? – повышения зарплаты. А также ограничения прав партийного и государственного аппарата, рабочего контроля над производством, обуздания нэпа. Требования не слишком умные, но популистские. Таким образом, Зиновьев и Каменев как бы выступали в качестве центристов при «левом» Троцком и «правом» Сталине, хотя на самом деле ни Троцкий не был левым, ни Сталин – правым, ни они центристами, да и вообще вся эта анатомия была тут совершенно ни при чем.

Масса партийцев отнюдь не являлась слепой толпой, замороченной марксизмом. Это были нормальные, практичные люди, которые понимали, что к чему, и прекрасно видели теоретический разнобой оппозиции, каждый из представителей которой говорил свое, да еще и чуть ли не каждый год меняя позиции. В 1925 году Сталин смеялся над этим их свойством: «Каменев говорил одно, тянул в одну сторону, Зиновьев говорил другое, тянул в другую сторону, Лашевич – третье, Сокольников – четвертое. Но, несмотря на разнообразие, все они сходились на одном. На чем же они сошлись? В чем же состоит их платформа? Их платформа – реформа Секретариата ЦК. Единственное общее, что вполне объединяет их – вопрос о Секретариате. Это странно и смешно, но это факт».

Новая оппозиция была так же торжественно разгромлена, как и старая. В январе 1926 года первым секретарем Ленинградского обкома партии стал верный сталинец Киров. Из членов Политбюро Каменев был переведен в кандидаты и лишился поста председателя Совета труда и обороны, а Зиновьев – поста председателя Петросовета, оставаясь, правда, пока что главой Коминтерна. Сокольников исключили из кандидатов в Политбюро и убрали с поста наркомфина. Причины для следующего выступления были налицо.

1926 год принес с собой новое в поведении оппозиции. Во-первых, она наконец объединилась. В апреле 1926 года был создан объединенный блок, к которому примкнули и суперлевые «децисты», и грузинские националисты, и прочие осколки всех ранее существовавших оппозиционных блоков и групп на платформе «левых». Получился союз весьма противоестественный, но жизнеспособный, поскольку объединялся бессмертным принципом: «Против

кого дружить будем?» Даже рядовые партийцы поняли, что стоит за «принципиальностью» поверженных вождей.

Во-вторых, Троцкий стал разыгрывать провокационную карту – он поставил на Политбюро вопрос об антисемитизме, совершенно по классическому принципу, сформулированному в известном анекдоте: «Если Иванова посадили за воровство, то он просто вор, а если Рабиновича – то это антисемитизм». Поскольку подавляющее большинство видных оппозиционеров были евреями, то Лев Давидович представил дело так, что борьба с оппозицией была проявлением антисемитизма. Сталин стал его опровергать, заявив, что ЦК борется с оппозицией не потому, что они евреи, а потому, что оппозиционеры. По поводу чего мы имеем роскошный образчик провокационной логики Троцкого: «Каждому политически мыслящему человеку была совершенно ясна намеренная двусмысленность этого заявления... “Не забывайте, что руководители оппозиции – евреи” – вот настоящий смысл слов Сталина, опубликованный во всех центральных газетах». Трудно сказать, знали ли народные массы о национальности Зиновьева, Каменева, да и самого Троцкого, с их русскими псевдонимами, однако после этого заявления внимание масс к национальности партийных верхов было привлечено всерьез и надолго.

Третье новое, что появилось в поведении оппозиции, было только что забытым старым. Они начали нелегально печатать свои воззвания, на чем попало, вплоть до пишущих машинок. И это третье значило очень много. За тридцать лет до того российские социал-демократы тоже начинали свою деятельность именно с нелегальных прокламаций. Эти жалкие листочки означали, что отношения оппозиции с властью перешли в новую фазу – нелегальной борьбы.

И вот свершилось то, что рано или поздно должно было свершиться. Оппозиция «достала» партийцев. В самом деле – работы по горло, надо восстанавливать хозяйство, создавать армию, а тут в верхах черт знает что творится, свистопляска какая-то. На очередных обсуждениях в партийных ячейках Москвы и Ленинграда лидерам оппозиции просто не давали выступать. Впервые в жизни Троцкий, один из величайших ораторов XX века, провалился – его слова перекрывал рев толпы. Еще повезло, что не побили... Туда же, куда Троцкого, послали и остальных ораторов. Из 87 тысяч присутствовавших на собраниях в этих двух городах за оппозицию проголосовало 496 человек. И не надо искать здесь тоталитарную партийную дисциплину, все куда проще. Потихоньку восстанавливалась промышленность, поднималось сельское хозяйство, все это прекрасно видели, и оппозиция выглядела просто кучкой крикунов, мешающей Сталину и его команде работать. Как оно на самом деле и было.

Они еще долго группировались друг с другом, сходились и расходились, меняли позиции и устраивали дискуссии. Все это перечисляется в десятках книг, и все это очень скучно. Какая, собственно, разница – когда Каменев объединился с Троцким, когда разошелся и когда к ним ко всем примкнул Рыков? Так или иначе, вскоре все, кто выступал против Сталина, оказались рядом, защитниками одной баррикады, и методично проигрывали схватку за схваткой – но не унимались. Не могли уняться. Чисто психологически не могли.

Но одной борьбой вокруг секретариата ЦК деятельность оппозиции не ограничивалась. Это была практическая сторона, а имелась и теоретическая, точнее, мировоззренческая подоплека. В 1926 году Сталин сформулировал принципиальное разногласие между «генеральной линией» и столь любимой нашими господами демократами оппозицией. «В чем состоит эта разница? В том, что партия рассматривает нашу революцию как революцию социалистическую, как революцию, представляющую некую самостоятельную силу, способную идти на борьбу против капиталистического мира, тогда как оппозиция рассматривает нашу революцию как бесплатное приложение к будущей, еще не победившей пролетарской революции на Западе, как “придаточное предложение” к будущей революции на Западе, как нечто, не имеющее самостоятельной силы».

Неудивительно, что господа «перестроечные демократы» так возлюбили оппозиционеров – они ведь тоже не видят в России самостоятельной ценности, рассматривая ее как придаток западной экономики. Впрочем, привычка «задрать штаны, бежать за Западом» – это не Явлинские с Собчаками придумали, и не Троцкие с Каменевыми, это свойство старое, вековое свойство русских «верхов» – смотреть на Запад преданными собачьими глазами, повернувшись к родной стране, пардон, противоположной частью и ощущая себя по причине таких предпочтений элитой среди ничего не понимающего быдла.

И пусть хоть один человек, прочитавший изложенное в этой главе, скажет, что эту оппозицию не пытались убедить, подчинить партийной дисциплине, хоть как-то к делу приспособить. Пытались. Не вышло. И не могло выйти никогда по одной очень простой причине: деятели оппозиции были сплошь «революционеры», а «революционер» не может быть приспособлен к делу по причине абсолютной деструктивности всей своей деятельности. Ну не выйдет из пулемета нужная в хозяйстве вещь, на какой бок его ни положи! Из него можно только стрелять. Так и революционер – он может только делать революцию, ни на что иное он не пригоден.

Ну хорошо, допустим, дали бы Троцкому власть. И что? Чем бы все кончилось, вполне можно предугадать. Всенародным бунтом при попытке всеобщей милитаризации всего либо войной при прорыве Красной Армии на помощь мировому пролетариату. А после неудачи по первому или второму типу Лев Давидович отправился бы в эмиграцию, побежденный, но не сломленный, и занялся разработкой теории мировой революции. Собственно, этим все и кончилось, только с меньшими потерями для Советской России и с большей рекламой для самого Троцкого, за спиной которого не было позорного поражения, ибо злодей Сталин не дал ему осуществить свои гениальные планы.

Глава 2. Оппозиция уходит под землю

Мы пойдем другим путем!
В. Ульянов (Ленин)

Потерпев столь сокрушительное поражение, оппозиционеры вроде бы должны были смириться, тем более этого недвусмысленно требовала партийная дисциплина. Однако они и не думали складывать оружие. Оппозиционеры, как истинные большевики, пошли по конспиративному пути. Дело это было привычным – до революции только такой работой и занимались! Начали проводить подпольные сходки – в лесу, на кладбищах, на конспиративных квартирах, создавали подпольные типографии. Вскоре появилась настоящая «параллельная партия», имевшая свои ячейки, райкомы, обкомы. Отделения этой партии имелись в Москве, Ленинграде, Харькове, Одессе, в Грузии, на Урале, в Сибири. Они явно решили поступить, как в том анекдоте: «Уехал в Женеву. Начинаю все сначала».

«Народ здесь все больше душевный...»

Впрочем, началось это не в 1926 году, а гораздо раньше. В брошюре, посвященной своему сыну Льву Седову, Троцкий писал: «В 1923 году Лев с головой ушел в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг искусство заговорщической деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов».

О нелегальных группах внутри партии упоминается и в «Заявлении 46-ти». Но и это не было началом. Уже осенью 1923 года были арестованы члены двух конспиративных групп: «Рабочая группа» и «Рабочая правда» – рабочие-большевики с солидным дореволюционным стажем. Чем они, интересно, занимались, что с ними так круто поступили – ведь в то время за инакомыслие даже из партии не исключали?

Уже начиная с 1923 года, если не раньше, процесс пошел проторенным путем российских социал-демократических «дискуссий», сразу в двух направлениях. С одной стороны, сторонники «линии ЦК» были властью, против которой оппозиционеры знали, как бороться, – двадцать лет учились. С другой, они все-таки были товарищами по партии, а с товарищами споры традиционно решались мелкими пакостями и митингами, плавно переходящими в мордобой.

В Ленинграде, вотчине оппозиции, царил культ Зиновьева. Посланный ему на смену Киров не мог поначалу даже подыскать помещение для собраний сторонников линии ЦК. В конце концов его выручил командующий Ленинградским военным округом Шапошников – беспартийный, бывший царский полковник. Его мало интересовали партдискуссии, зато он хорошо понимал, что такое лояльность и присяга. (Между прочим, только двоих военных Сталин называл по имени и отчеству – Шапошникова и Рокоссовского.) Мы еще не раз встретимся с ним.

Неожиданно Кирову помогли... троцкисты. Не то чтобы они приняли сторону Сталина, но они были противниками зиновьевцев и воспользовались ситуацией для того, чтобы решить старые свары и, по возможности, напакостить. Начальник Высшей кавалерийской школы Туровский с револьвером разгонял митинги сторонников Зиновьева. (Что, впрочем, не мешало боссам в апреле 1926 года заключить союз.)

Но Киров долго еще получал нежные письма вроде следующего: «Посмотри на свою рожу, которую за три дня не обсерешь. Ты имеешь три автомобиля, питаешься так, как цари не жрали, а нас, несчастных, когда нет ни войн, ни эпидемий, ни стихийных бедствий, держишь в голоде. Сволочь ты несчастная, и место тебе на виселице...»

...Надо сказать, что противники Сталина предвидели события и неплохо подготовились к непарламентским методам борьбы. Еще в конце весны 1926 года «объединенная оппозиция» организовала свой конспиративный центр. (Об этом, в частности, писал венгерский историк, сын Бела Куна, Миклош Кун). Во главе центра стояли сами лидеры – Троцкий и Зиновьев. Подпольные заседания проходили на квартире Ивара Смилга.

Работа была поставлена серьезно. Центр имел свою агентуру в ЦК и ОГПУ, специальную группу, которая вела работу среди военных (туда входили Примаков и Путна, будущие «герои» процесса генералов). Такие же центры имелись в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах. Для связи с оппозиционными группами в других компартиях использовали единомышленников, работавших в Наркоминделе и Наркомвнешторге. Одно время материалы оппозиции вывозила за границу Александра Коллонтай – пока очень своевременно не перешла на сталинские позиции. Как известно, заигрывания с троцкистами благополучно сошли ей с рук.

По старой большевистской привычке оппозиционеры пошли в народ. В Москве и Ленинграде они устраивали тайные собрания на квартирах рабочих. По возможностям квартир, туда приходили от нескольких десятков до полутора-двух сотен человек. Собрания были полуконспиративными, однако представители ЦКК и ОГПУ прекрасно знали о сходках, нередко даже являлись туда с требованием разойтись. Обычно их посылали подальше, с мордобоем или без оного, и продолжали работу. На подобных собраниях перебивало около 20 тысяч человек.

Что с ними поделаешь? Пока что руководители страны не в силах были переступить через себя и начать арестовывать старых товарищей по борьбе. ЦК, в свою очередь, тоже обратился к рабочим, призвав разгонять собрания силой. Обстановка стала как-то уж очень напоминать 1905 год в Грузии. Вот воспоминания одного из участников событий тех незабываемых дней: «Маленков... организовал многочисленные шайки из партийно-комсомольского хулиганья. Специально натасканные Маленковым и снабженные палками, камнями, старыми галошами, тухлыми яйцами и т. д., эти шайки, именуя себя «рабочими дружинами», срывали дискуссионные собрания, забрасывали выступавших оппозиционеров камнями, галошами и т. д., разгоняли их собрания, орудуя палками...» Маленковские отряды получили кличку «СББ» – «Сталинские батальоны башибузуков» (в них, кстати, начинали свою карьеру многие будущие чекисты). Оппозиционеры, естественно, не оставались в долгу у «рабочих дружин», и, когда оппозиция организовывала свои демонстрации, стычки превращались в настоящие побоища.

Так что партдискуссия была веселой.

Ноябрьские праздники 1927 года тоже прошли, мягко говоря, активно. Ленинград посетили Зиновьев и Радек. Результатом их визита стало то, что пришлось задействовать конную милицию. Миклош Кун вспоминал: «Конные милиционеры крупными лошадьми сталкивали старых питерских рабочих в Лебяжью канавку, а на Марсовом поле притаившиеся в подворотнях хулиганы забрасывали демонстрантов камнями». Ну, на самом деле не так уж это и страшно, воды в оной канавке аккурат по колено, в ней можно утонуть разве что очень спьяну. Да и камень – не пулемет.

Кстати, оппозиционеры также в долгу не оставались.

В Москве тоже было не скучно. 9 ноября 1927 года Троцкий жаловался в ЦК: «Налет был организован на балкон гостиницы “Париж”. На этом балконе помещались т.т. Смилга, Преображенский, Грюнштейн, Альский и др. Налетчики после бомбардировки балкона картофелем, льдинами и пр. ворвались в комнату, путем побоев и толчков вытеснили названных товарищей с балкона... Ряд оппозиционеров был избит. Тов. Троцкая была сбита с ног. Побой сопровождался тем более гнусными ругательствами, что среди налетчиков были пьяные».

«Рабочие дружины» Маленкова успешно разогнали целую колонну троцкистов. Дружинникам Рютина повезло меньше: они попытались вытолкать Троцкого и Каменева из прием-

ной Калинина, куда те отправились после митинга, но очень хорошо получили сами. (Через несколько лет Рютин тоже станет оппозиционером, и еще каким!)

В общем, праздничек вышел такой, что Шапошников, ставший к тому времени командующим Московским военным округом, вывел на улицы броневики – лишь это чуть-чуть отрезвило участников политических дебатов.

Ничего особо выдающегося в таком стиле политических взаимоотношений не было. В куда более воспитанной и флегматичной Западной Европе разборки коммунистов с социал-демократами и фашистами часто принимали форму потасовок, где с обеих сторон бывали и раненые, и убитые. У нас все-таки не убивали...

Но это было еще только начало...

Партскандалисты уходят в подполье

К концу 20-х годов положение в стране обострилось. Промышленность кое-как удалось восстановить, однако скудные производственные фонды времен Российской империи не могли обеспечить потребности страны, да и изношены были до предела. Нэп из маленькой забавной тварюшки вырос в дракона: рыночные игры частных торговцев с государством превратились в войну и каждый год ставили страну перед призраком голода.

Власть объявила курс на индустриализацию, но для того, чтобы поднять промышленность, нужны были деньги – много денег, и люди – много людей. Ни того, ни другого не было. Отсталое сельское хозяйство связывало 80 % населения – а толку от него было чуть. Крестьяне едва-едва кормили себя сами, да еще и отказывались сдавать хлеб по государственным ценам. Промышленных товаров почти не производилось, все – от лопат до тракторов – ввозили из-за границы.

В довершение радости, в 1927 году прошла серия английских провокаций против СССР – налеты китайской полиции на советское посольство, а английской – на торговое представительство в Лондоне (китайский налет тоже был инспирирован англичанами). Англия всегда имела свои интересы, но отчасти тут и Коминтерн подсобил – ну зачем было так уж откровенно поддерживать стачку английских шахтеров? В сентябре в Польше был убит советский полпред – ситуация могла разрешиться войной. В ответ население, готовясь к войне, опустошило и без того скудные магазинные полки, а крестьяне окончательно отказались сдавать хлеб. К перспективе войны прибавилась еще и перспектива голода. Самое время для выступления оппозиции. И она, конечно, не замедлила...

В 1927 году объединенная оппозиция выступила со своим манифестом. «Площадь опоры», по сравнению с 1923 годом, увеличилась почти вдвое – теперь это была «платформа 83-х». Нечего делать, ЦК снова объявил общепартийную дискуссию, которая закончилась с тем же результатом: около 730 тысяч членов партии проголосовали за ЦК и только 4 тысячи – за оппозиционеров. Воздержалось 2600 человек.

Нельзя сказать, что эти цифры точно отражают соотношение сил, потому что голосование проводилось на основе так называемых «императивных мандатов». Если в первичной парторганизации сторонники ЦК оказывались в большинстве, то все голоса ее членов автоматически отдавались ЦК, и наоборот. Поэтому число троцкистов явно было больше, чем четыре тысячи, но, в любом случае, большинство оказалось слишком сокрушающим, чтобы сомневаться в правильности окончательного результата. Ну, не полпроцента стояло за оппозицию, но даже если в десять раз больше – пять процентов, разница-то...

Теперь сторонники ЦК рассердились всерьез – достали! Сколько же можно? XV съезд ВКП(б) дал жестокий бой оппозиции и фактически выдал Сталину мандат на расправу с ней. За неполные два года, прошедшие от XIV до XV съезда, из партии было исключено 970 оппозиционеров. За последующие два с половиной месяца – 2288 человек. 36,4 % исключенных

были рабочими, еще 10,5 % – рабочими по происхождению. Исключали, кстати, не всех троцкистов, а «с разбором» – за активную деятельность, и большую часть исключенных тут же сослали в дальние районы, чтобы воду не мутили. Оппозиция была сильна в больших городах, где имелось много традиционных носителей смуты – интеллигенции и учащейся молодежи. В российских тьмутараканях бузить было куда труднее. Пока труднее...

Троцкого выслали в Алма-Ату. Выходить из дома своими ногами он отказался, тогда сотрудники ОГПУ вынесли его на руках и отвезли на вокзал. Провожать «демона революции» отправилось около трех тысяч человек. Проводы вылились в демонстрацию, завершившуюся уже традиционными столкновениями с милицией, 19 человек было задержано.

Оппозиционеры тоже начали понимать, что время шуток прошло. Со времени XIV съезда 3381 человек подали заявление об отходе от оппозиции. Причем 37 % заявлений было подано в период между съездами, а 63 % – все в те же два с половиной месяца. Но далеко не все делали это искренне – за время, прошедшее с 1923 года, они успели вспомнить волшебное слово «конспирация».

После XV съезда троцкизм оказался в партии в положении «вне закона». В 1928 году режим в стране был еще не так суров, чтобы не только расстреливать, но даже арестовывать оппозиционеров. Максимальная мера, которую применяли к нераскаявшимся, и то к самым зловредным и активным, – ссылка. Привычные к такой жизни старые большевики, будучи сосланными, привычно объединялись в политические кружки, вербовали сторонников из числа местных жителей, вели активнейшую переписку с другими колониями. Для наиболее важных сообщений организовали секретную почту.

Их оставшиеся на свободе единомышленники привычно занялись созданием подпольных групп – наконец-то появилось дело по душе! В эти группы принимались только коммунисты, как не подписавшие, так и подписавшие «отречение»: все понимали, что многие из «отрекшихся», старые революционеры и опытные конспираторы, заявляли о разрыве с оппозицией чисто формально, чтобы иметь больше возможностей тайно на свободе продолжать борьбу. Троцкий призывал держаться насмерть, отказов не подписывать – но кто его слушал? Трещина расколола партию сверху донизу – тайные оппозиционеры сидели во всех органах государственной власти, вплоть до верхушки партаппарата и ОГПУ.

Подпольщики печатали и распространяли среди рабочих прокламации с обращениями и статьями лидеров оппозиции. Широчайшее хождение, частично в среде рабочих, а в основном, конечно, среди интеллигенции, имел троцкистский самиздат. Троцкистов можно найти во главе забастовок, которыми в то время часто завершался процесс заключения коллективных договоров на заводах. Они создали свой собственный «Красный Крест», собирали средства для помощи уволенным и высланным товарищам.

Во главе этого сопротивления стоял сам партийный скандалист номер один – Троцкий. Начиная с апреля 1928 года он за семь месяцев отправил из Алма-Аты 550 телеграмм и 800 писем, получил около тысячи писем и 700 телеграмм (большая часть их были коллективными). Деятельность троцкистов все более становилась уже не просто политической, а откровенно антиправительственной. С ними надо было что-то делать, и в первую очередь нейтрализовать их вождя.

Левые сами это понимали. В 1928 году, отчасти опасаясь за жизнь вождя, а еще больше, пожалуй, в рекламных целях, они выпустили листовку: «Если товарища Троцкого попытаются убить, за него отомстят... Возлагаем личную ответственность за его безопасность на всех членов Политбюро...»

Героического самопожертвования не понадобилось. Троцкого никто не собирался убивать и даже арестовывать. К нему применили другую меру пресечения – выслали за пределы СССР, за «железный занавес». Это был непростой шаг – не потому, что советские власти опасались мести троцкистов, а потому, что ни одна страна не соглашалась принять Троцкого. Нако-

нец, согласилась Турция. Высылка, состоявшаяся в конце января 1929 года, действительно затруднила Льву Давидовичу руководство оппозицией. Многие группы ушли в «свободное плавание», отчего стало еще веселей. Другие все же ухитрялись поддерживать связь со своим патроном, который, впрочем, и не думал успокаиваться, о чем открыто заявил в интервью немецкому писателю Эмилю Людвигу.

«Людвиг: Когда вы рассчитываете снова выступить открыто?

Троцкий: Когда представится благоприятный случай извне. Может быть, война или новая европейская интервенция, тогда слабость правительства явится стимулирующим средством».

Запомним эти слова – на будущее. Может быть, это объяснит, почему одной из мер подготовки к войне с Германией стало убийство Троцкого...

А сразу же после высылки «демона революции» по всей стране начались массовые аресты «подпольщиков». 24 января 1929 года «Правда» сообщала: «Несколько дней назад ОГПУ была арестована за антисоветскую деятельность нелегальная троцкистская организация. Арестовано всего 150 человек... при обыске конфискована антисоветская нелегальная литература».

Новая волна арестов прошла весной 1929 года. Тогда впервые за оппозиционную деятельность начали приговаривать к заключению в концлагере (хотя это был еще далеко не тот многократно описанный ГУЛАГ). В одной из троцкистских листовок говорилось, что только в Москве арестовано 200 человек. В других листовках имелись сведения, которые нельзя было получить из газет: имена арестованных рабочих, рассказ о смертельной голодовке заключенных в Тобольской тюрьме. Требования оппозиции были поддержаны на рабочих собраниях некоторых заводов Москвы и Московской области. Секрет поддержки не хитер – в их число, кроме чисто политических условий, входили и требования, близкие нуждам рабочего класса: публикация данных о движении реальной зарплаты, требование сокращения расходов на аппарат, понижение ставок высокооплачиваемых категорий, прекращение продажи водки в рабочих центрах (!), прекращение выпуска бумажных денег... Заодно рабочие голосовали и «за политику».

А самое главное не называется, а угадывается. Троцкисты об этом молчат насмерть, но догадаться нетрудно. Где в то время был «фронт № 1» Советской России? Конечно, в деревне – в 1929 году началась коллективизация. Кто может сказать, сколько загубленных жизней, сожженных амбаров, зарезанного скота было на совести оппозиционеров? Скольких восстаний не было бы, если бы их не подталкивала оппозиция? Какова роль их листовок среди причин голода, охватившего в 1933 году один из оплотов троцкизма – Украину?

Подполье

Уже к 1930 году деятельность оппозиции далеко не ограничивалась дебатами вождей на съездах – это были так, ритуальные мелочи, что-то вроде участия дореволюционных большевиков в Госдуме. К тому времени центр тяжести их работы давно уже находился в подполье – отсюда и суровость применяемых к ним мер. А то у нас пишут, что Сталин, мол, совсем озверел – стал сажать старых товарищей по партии. Не надо обольщаться – эти товарищи сами были то еще зверье!

Благодаря появившимся в стране в 90-е годы материалам из зарубежных архивов Троцкого, больше всего мы знаем о деятельности троцкистского подполья. Оно было многочисленно (для подполья), хорошо организовано и неуловимо, во главе стояли старые революционеры с огромным опытом нелегальной работы. Правда, в основном занимались они болтовней – то есть агитацией и пропагандой, но хорошая листовочка, брошенная в доведенную до точки кипения деревню, да с объяснением того, что надо делать, стоила кавалерийского эскадрона.

Кстати, именно существование подполья во многом объясняло тот факт, что многие подвергались репрессиям за прошлую принадлежность к троцкистской оппозиции, даже при усло-

вии раскаяния и последующей честной работы. Сколько среди них было невиновных, а сколько подпольщиков, мы не узнаем, наверное, никогда – после XX съезда невиновными стали все.

Впрочем, троцкистскими организациями оппозиционное подполье не ограничивалось. Существовали и другие. Например, «децисты». В теории они были сторонниками парада региональных суверенитетов и неограниченной демократии в руководстве. А по жизни – еще в 1928 году уже выступали против сбора подписей под документами оппозиции и призывали своих сторонников переходить на нелегальное положение. Их вожди Т. В. Сапронов и В. М. Смирнов были из тех, кто не каялся ни при каких обстоятельствах. 20 декабря 1928 года Смирнов послал из ссылки заявление в «Правду» и ЦКК, где говорилось: «... Теперешние вожди ВКП(б) изменили пролетариату... нынешнее правительство, действующее под вывеской Советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным рабочему классу».

Предусмотрительно созданные заранее подпольные организации «децистов» действовали в Москве, Ленинграде, Харькове, Орехово-Зуево и других городах. По данным ОГПУ, только ленинградская группа насчитывала до 300 человек. Уже в начале 1928 года эти организации распространяли листовки, где призывали к «устранению руководства, которое способно на все, только не на большевистскую политику».

Столь же непримирим был и уже упоминавшийся Мартемьян Рютин, проделавший по отношению к оппозиции «обратную эволюцию». В 1927 году, будучи секретарем райкома партии в Москве, он создал «рабочую дружину», которая активно занималась драками с оппозицией, а уже в 1928 году пересмотрел свои позиции и столь же активно выступил против правительства. (Кстати, именно Рютин назвал Сталина «поваром, который будет готовить очень острые блюда».) Сначала ему не понравилась кампания против Бухарина – именно тогда за «примиренческую позицию» по отношению к правому уклону тот был снят с поста секретаря ЦК. А посетив в 1928 году родную Сибирь, крестьянский сын Рютин окончательно перешел на сторону оппозиции.

Что было дальше, не совсем ясно, но стоит отметить нехарактерную реакцию Сталина на этого человека. В августе 1930 года генсек пригласил его в Сочи. О чем они там два дня разговаривали, так и осталось неизвестным, но 13 сентября Сталин назвал Рютина «контрреволюционной нечистью», санкционируя исключение последнего из партии и высылку из Москвы. К тому времени Рютин уже всюду вел со старыми большевиками беседы о том, что руководство ведет страну к краху. В том же 1930 году он был исключен из партии и арестован – однако коллегия ОГПУ признала обвинение недоказанным и освободила его из-под стражи.

После этого Рютин открыто выступил против власти. Весной 1932 года он вместе с В. Н. Каюровым создал собственную организацию – «Союз марксистов-ленинцев» и разработал так называемую «рютинскую платформу», которую Сталин охарактеризовал как прямой призыв к восстанию.

Что же такого крамольного содержалось в «рютинской платформе», что даже знакомство с ней считалось преступлением? В начале 90-х на эту тему писал Б. А. Старков, который и привел в своей статье основные пункты рютинского манифеста... Вы будете смеяться – нет, вы будете очень смеяться!

«В области внутрипартийных отношений:

Ликвидация диктатуры Сталина и его клики.

Немедленный слом всей головки партийного аппарата. Назначение новых выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и создание твердых организационных гарантий против узурпации прав партии партаппаратом.

Немедленный чрезвычайный съезд партии.

Решительное и немедленно возвращение партии по всем вопросам на почву ленинских принципов (Интересно, каких именно? – *Авт.*)

В государственной области:

Немедленные новые выборы Советов и решительное действительное устранение назначения.

Смену судебного аппарата. Введение строгой революционной законности. (Это что – снова ЧК, классовый подход и пр.? – *Авт.*)

Смену и решительную чистку аппарата ГПУ. (От кого их чистить и на кого менять? Там же полно троцкистов! – *Авт.*)».

Любой человек, имеющий хотя бы элементарное представление о том, как функционирует государство (т. е. не являющийся профессиональным политиком), попробовав представить себе, как будет выглядеть ситуация на местности, и пригладив поднявшиеся дыбом волосы, согласится: таким образом советский народ будет вмиг избавлен от тоталитаризма. Впрочем, и от государства тоже, равно и от какого-либо призрака порядка. Но пока все не передохнут с голоду, подискутировать можно будет от души!

Но это еще не все, ибо товарищ Рютин распространял свои интересы и на экономическую сферу.

«В области индустриализации:

Немедленное прекращение антиленинских методов индустриализации и игры в ленинизм за счет ограбления рабочего класса и крестьян в деревне, за счет прямых и косвенных, откровенных и замаскированных налогов и штрафов. Проведение индустриализации на основе действительного и неуклонного роста благосостояния масс».

Интересно, каким образом он собирался этого благосостояния достигнуть с разваленной промышленностью и допотопным сельским хозяйством, да еще без налогов? И откуда должно было в таком случае взяться благосостояние масс?

«2. Приведение вложений в капитальное строительство в соответствие с общим состоянием всех наличных ресурсов страны». То есть полное свертывание индустриализации, потому что денег нет, а надо еще и благосостояние масс обеспечивать. Это и есть «ленинские методы»?

«В платформе определялись также задачи сельского хозяйства, торговли, финансов и социально-экономической политики».

Жаль, что не приведены подробно. Автору Рютин нравится – должно быть, постеснялся все показывать...

Вам это ничего не напоминает? Это же перефразированное и изложенное другим языком «заявление 46-ти» образца 1923 года. Десять лет прошло, а ничего не изменилось, равным счетом ничего, разве что прибавилось популистских пунктов по поводу народного хозяйства.

«Члены партии призывались не ждать начала борьбы сверху, начинать ее снизу... – продолжает Б. А. Старков. – Можно считать, что политические и теоретические взгляды М. Н. Рютина в отдельных случаях носили спорный, дискуссионный характер, но нигде и никогда в его высказываниях не содержалось призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти».

В самом деле? А получившийся бы в итоге хаос – это не подрыв и не ослабление?

Впрочем, кое-что все-таки за десять лет изменилось – лексика. «Ненависть, злоба и возмущение масс, наглухо завинченные крышкой террора, кипят и клокочут... Политбюро, Президиум ЦК, секретари областных комитетов... превратились в банду беспринципных, изолгавшихся и трусливых политиканов, а Сталин – в неограниченного, несменяемого диктатора, проявляющего в десятки раз больше тупого произвола, самодурства и насилия над массами, чем любой самодержавный монарх...»

От товарища к товарищу, от группы к группе, от города к городу должен передаваться наш основной лозунг: долой диктатуру Сталина и его клику, долой банду беспринципных политиканов и политических обманщиков! Долой узурпатора прав партии! Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует ленинизм!»

При ближайшем рассмотрении видно, что вся эта «платформа» – глупость невероятная. Но в числе потомков Адама всегда было немало людей, как написано в повести о Ходже Насреддине, «с избытком наделенных благородством, но немного обиженных умом». Да и чего тут думать. В семнадцатом долго не думали, скинули Временное правительство и сели сами. Также и теперь, главное – скинуть Сталина, а там видно будет. В конце концов, можно ручками развести и сказать: «Ну что ж, не вышло...» А потом уехать если не в Женеву, то куда-нибудь в Мексику и строить там партию – в изгнании, но зато с совершенным соблюдением внутрипартийной демократии. Ибо, как сказал другой человек и по другому поводу, «цель – ничто, движение – все!».

Хотя, по большому счету, и это была болтовня, не нашедшая широкой поддержки, но меры на сей раз приняли суровые. Оппозиционеров надо было проучить, и их проучили. 2 октября 1932 года Объединенный пленум ЦК и ЦКК, рассматривавший дело «Союза», принял решение об исключении из партии его членов и всех, знавших о его существовании (!) и не сообщивших о нем в ЦК или ЦКК. 11 октября без суда, решением коллегии ОГПУ, всем 24 человекам, проходившим по делу «Союза», вынесли приговор. Сталин потребовал расстрела Рютина – а ведь в то время он отнюдь не бросался смертными приговорами направо и налево (так, например, он был против смертного приговора обвиняемым по «шахтинскому делу», где были не призывы, а конкретный саботаж). Одним из аргументов Сталина стали сводки ОГПУ о том, что среди молодежи усиливаются террористические настроения.

Однако приговор не прошел. При голосовании на Политбюро против высказались Киров, Орджоникидзе, Куйбышев. Воздержались даже Молотов и Каганович. Рютина приговорили к десятилетнему одиночному тюремному заключению. Остальные тоже получили срок тюрьмы или ссылки, в том числе Зиновьев и Каменев. Всего по делу «Союза марксистов-ленинцев» было привлечено к партийной и уголовной ответственности в 1932–1933 годах тридцать человек. Впоследствии всем им приговоры были ужесточены, а в 1937 году большинство «рютинцев» приговорили к расстрелу.

Сталин придавал исключительное значение возникновению «Союза». На процессах 1936–1938 годов большинство подпольных «центров» признавалось выросшими из «Союза», а тот факт, что коммунист читал «рютинскую платформу», уже сам по себе был тяжелым государственным преступлением. Рютина и его товарищей не реабилитировали ни в 1956-м, ни в 1963-м, ни даже в 1986 году. В ответ на очередную просьбу о реабилитации В. Н. Каюрова Прокуратура СССР ответила: «К уголовной ответственности за участие в контрреволюционной деятельности и проведение антисоветской агитации был привлечен обоснованно». Только в 1988 году, когда оправдывали всех, Верховный суд реабилитировал участников «рютинского дела».

Несмотря на то, что многие оппозиционеры в 1930–1931 годах заявили о прекращении фракционной деятельности, ОГПУ, на всякий случай, за ними присматривало. В январе 1933 года Сталину донесли о существовании глубоко законспирированной организации во главе с И. Н. Смирновым, включавшей более 200 бывших активных троцкистов. Организация имела филиалы в Ленинграде, Харькове, Горьком, Киеве, Ростове-на-Дону и в других городах, группы в Госплане, Наркомтяжпроме и других учреждениях. Это было уже очень серьезно. И дело тут не в том, что обнаружили очередную троцкистскую группу, дело в личности ее руководителя.

Иван Никитич Смирнов был привычен к нелегальной работе. В партию он вступил в 1898 году, прошел через аресты и ссылки, участвовал в Московском вооруженном восстании в декабре 1905 года. В 1917 году был в числе руководителей военной организации большевиков в Сибири. Во время Гражданской войны, будучи членом Реввоенсовета при Тухачевском, он обеспечивал «предварительное» взятие сибирских городов красными партизанами, причем

обеспечивал так хорошо, что иногда город, как перезрелый плод, сам падал в руки Красной Армии. Его (а не Тухачевского) называли «победителем Колчака». Упорный и последовательный троцкист, он был в конфликте с большинством в партии еще со времен войны. (Так, в 1921 году Ленин был против избрания Смирнова в состав ЦК.) В 1923 году его из военного ведомства убрали, сделав наркомом почт и телеграфа. С самого начала И. Н. Смирнов входил в состав руководства троцкистской оппозиции, за что был отправлен в ссылку и «покаялся» в 1930 году. После восстановления в партии сразу же занялся созданием антисталинской группировки.

Провалилась группа случайно. Один из ее членов в 1932 году был арестован и выдал остальных. (Смирнов имел своего человека в ОГПУ и потому обо всем этом знал.) Всего взяли 89 человек – почти все в свое время исключались из партии за фракционную деятельность, 35 человек из них потом восстановились, «покаявшись». Среди арестованных были известные оппозиционеры, такие, как сам Смирнов, Тер-Ваганян, Преображенский. Особое совещание при коллегии ОГПУ осудило 41 человека на лишение свободы сроком от 3 до 5 лет, а 45 человек были отправлены в ссылку. Смирнов получил десять лет.

...И все-таки к старым большевикам относились пока что более-менее лояльно. В августе 1933 года Преображенский был освобожден из ссылки, в октябре восстановлен в партии. На XVII съезде он выступил с покаянной речью. Тер-Ваганян тоже в 1934 году был восстановлен, но в мае 1935 года снова исключен – в третий раз! – и отправлен в ссылку. Большая часть членов группы не пережила 1937 года.

Ни о каком покаянии самого Смирнова не было даже и речи. Он был осужден в 1936 году, на процессе Зиновьева и Каменева. Его жена, А. Н. Сафонова, видная оппозиционерка, сотрудничала с НКВД и была отпущена на свободу. Уже после XX съезда она обратилась к Хрущеву с письмом, в котором утверждала, что многое из того, в чем обвинялся ее муж, было правдой. Но он все равно, как и другие, до самого последнего времени числился «невинно пострадавшим».

В довершение прочих радостей, подняли голову (точнее, они никогда ее и не опускали) националисты. При Сталине их называли «буржуазными» – но на самом деле эта порода находится вне классов. Тем, в чьей памяти еще живет 1991 год, толпы на улицах Вильнюса и Тбилиси, требующие отделения от России, странно думать, что в двадцатые – тридцатые годы не было национальных движений. Были, конечно. Прибалтика кушала свою независимость, но в состав СССР входила Украина, входил Кавказ со своей извечной тягой к смуте и «самостийности».

На XVII съезде ВКП(б) Ярославский сообщил, что со времени предыдущего съезда только в 13 республиканских, краевых и областных организациях было исключено из партии за «националистические уклоны» 799 человек. Большей частью на Украине. Там, как сказал Сталин, националистический уклон стал государственной опасностью и «сомкнулся с интервенционистами». Война показала, что он был прав. Однако национализм представлял собой серьезную проблему не только на Украине.

Одним из первых дел «буржуазных националистов» стало дело о «султан-галиевской контрреволюционной организации». Ее глава М. Х. Султан-Галиев в 1918–1920 годах работал председателем Центральной мусульманской военной коллегии при наркомвоенморе Троцком. В противовес великодержавной политике Сталина, Султан-Галиев сначала предлагал поднять до уровня союзных статус некоторых автономных республик, затем выдвигал план создания четырех крупных национальных образований на равных правах с союзными республиками – федерация Урало-Волжских республик, Общекавказская федерация (республики Закавказья и Северного Кавказа), Туранская республика (четыре республики Средней Азии), Казахская республика. Все это, конечно, не просто так, и буквы правительственных постановлений бывают

беременны большими бедами. За этими планами стояли усиление национальных и региональных суверенитетов, ограничение власти центра и, при продолжении этих тенденций, тот же 1991 год и развал России. И не в том странность, что дела «националистов» есть, а в том, что их так мало...

В 1928–1929 годах за участие в «антипартийной группировке Султан-Галиева» был исключен из партии ряд работников Татарской и Крымской АССР. «Султан-галиевцев» обвиняли в связи с пантюристским движением и с генеральными штабами нескольких зарубежных стран. Что весьма похоже на правду – достаточно посмотреть на нынешних сепаратистов. Среди них нет ни одного, кто не находился бы под патронажем заинтересованных иностранных государств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.